

А.И. Бровкович

**Беседа преосвященного
Никанора, архиепископа
Херсонского и Одесского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А.И. Бровкович**
Беседа преосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского /
А.И. Бровкович – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-458-61262-3

ISBN 978-5-458-61262-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БЕСѢДА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО,

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА,

при доминовеніи раба Божія

АЛЕКСАНДРА (ПОЭТА ПУШКИНА),

по истеченіи пятидесятилѣтія по смерти его *).

Бяжу приближающаяся ко Іисусу вси мытари и грѣшницы, послушати Его. И роптаху фарисее и книжницы глаголюще, яко Сей грѣшники пріемлетъ и съ ними ястъ. Рече же къ нимъ притчу сію глаголя: кій человекъ отъ васъ, имый сто овецъ, и погубль едину отъ нихъ, не оставитъ ли девяносто и девяти въ пустыни, и идетъ вслѣдъ погибшія, дондеже обрящетъ ю? И обрѣтъ възлагаетъ на рамя свои радуюся. И пришедъ въ домъ, созываетъ други и сосѣди, глаголя имъ: радуйтеся со мною, яко обрѣтохъ ову мою погибшую. Глаголю вамъ, яко тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся паче, нежели о девяносто и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія... Рече же: человекъ нѣкій имъ два сына (Лук. гл. 15)... Послѣ чего Гесподь изрекъ притчу о блудномъ сынѣ.

*) Изложена въ общихъ сокращенныхъ чертахъ въ церкви Новороссій каго університета.

По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ пришло намъ поминать заупокойнымъ моленіемъ пѣлыхъ трехъ, самыхъ великихъ нашихъ писателей въ день евангельскаго блуднаго сына, сперва Достоевскаго, затѣмъ Аксакова, а теперь вотъ поминаемъ раба Божія Александра Пушкина, великаго нашего поэта, по исполненіи пятидесятилѣтія со дня его кончины.

И прекрасно, что въ день блуднаго сына. Это наводитъ на знаменательнѣйшія сближенія.

Говори о мертвыхъ хорошо, или не говори ничего, — это языческое, не христіанское правило. Да и языческое не всеобщее, а только греко-римское или даже исключительно римское правило, котораго впрочемъ и римляне держались не строго; иначе не могло бы быть никакой исторіи и исторической оцѣнки. А вотъ глубоко-религіозный народъ древніе Египтяне, такъ тѣ поступали какъ разъ наоборотъ. Тѣ, по смерти каждаго, особенно же важнаго вліятельнаго лица, обсуждали его дѣла особымъ трибуналомъ судей жрецовъ, въ соотвѣтствіе подобному же суду объ умершемъ предъ трибуналомъ судей загробныхъ, и только послѣ такого суда, согласно приговору судей жрецовъ, удостоивали умершаго или же не удостоивали погребальныхъ почестей. Обычай уже весьма близкій, по своему духу, къ духу христіанскому. Христіанство же о всякомъ умершемъ молить Бога, чтобы благій челоуѣколюбецъ Богъ просиглъ почившему *всякое согрѣшеніе, содѣянное словомъ или деломъ или помысленіемъ: яко нѣсть челоуѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ*. Нельзя говорить о жизни и дѣяніяхъ апостоловъ Петра и Павла, царей Давида и Соломона, не касаясь Петрова отреченія отъ Христа. Павлова гоненія на Христа, Давидова покаяннаго псалма: *Помилуй мя Боже*, и Соломонова Экклезіаста, съ

обстоятельствами, при которыхъ покаянный псаломъ и Экклезіастъ написаны. И этимъ упоминаніемъ не наносится оскорбленія святой памяти св. мужей. По этой почетной аналогіи не нанесемъ оскорбленія памяти и поминаемаго великаго поэта, если коснемся его заблужденій. Онъ самъ хотѣлъ завѣщать и завѣщаль свои мысли и чувства, дѣла и слова памяти потомства. Что же? Мы и помнимъ, и теперь вспоминая исполняемъ только его собственное завѣщаніе....

Сегодня во всѣхъ концахъ Россіи будутъ прославлять его и только прославлять. Мы же напомнимъ вамъ, что поминаемый нашею и вашею молитвою рабъ Божій Александръ самъ себя сопоставлялъ съ евангельскимъ блуднымъ сыномъ, что вотъ онъ, „какъ отрокъ бібліи, безумный расточитель, до капли истощивъ раскаянныя фіалы, увидѣвъ наконецъ родимую обитель, главою поникъ и зарыдалъ“. Евангельская притча, произведение творчества небеснаго, превосходящаго, покрывающаго и освѣщающаго всякое самое превысшее творчество земное, освѣтитъ знаменательно-умилительнымъ свѣтомъ несчастную кончину, какъ и всѣ грѣхопаденія нашего поэта, какъ и раскаянне его и всѣ доблести, и прояснитъ намъ, за что это мы за него всероссійскимъ соборомъ молимся, и о чемъ молимся.

Это былъ сынъ Отца небеснаго, какъ и всѣ мы, но сынъ особенно любимый, потому что необычайно одаренный. Въ домѣ Отца небеснаго пребывалъ онъ кроткою вѣрою не долго, повидимому, только въ чистомъ невинномъ дѣтствѣ, къ которому такъ нерѣдко обращался съ сладкими воспоминаніями, вздыхая къ возникающимъ въ измученной заблужденіями душѣ видѣніямъ первоначальныхъ чистыхъ дней. Недостатки общаго Россійскаго воспитанія высшихъ классовъ того времени

онъ осмѣиваетъ; недостатокъ своего собственнаго первоначальнаго воспитанія онъ въ послѣдствіи даже проклиналъ, выражаясь его крайне сильнымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе первоначальное религіозное развитіе его не было совсѣмъ же скудно. И этимъ развитіемъ онъ былъ обязанъ, повидимому, не отцу, о которомъ его отзывы вообще непочтительны, не матери, о которой почти нигдѣ не упоминаетъ, а старой нянѣ, которая вложила въ его душу зачатки народно-религіозной поэзіи. И эта старая няня была для него чуть ли не самое родное существо изъ всѣхъ руководителей его дѣтства. Все что къ религіозному развитію его, если не развитію въ немъ религіознаго духа, то къ развитію ума въ познаніи религіи прибавили уроки по закону Божію въ лицѣ. За то его глубокой духъ, погружаясь въ обще-религіозное сознаніе русскаго народа и всего, какъ христіанскаго, такъ и магометанскаго, какъ древле, такъ и ново-языческаго челоувѣчества, проникалъ это волнующееся, то свѣтлое, то мрачное море до послѣднихъ его глубинъ. И это то соприкосновеніе съ колебаніями современнаго ему религіознаго сознанія отразилось тяжкими колебаніями въ его собственномъ духѣ.

Можно сказать, что съ удаленіемъ изъ дома отеческаго, для дальнѣйшаго образованія въ Лицеѣ, онъ удалился и изъ дому Отца небеснаго, и съ тѣхъ поръ сталъ расточать свои великіе прирожденные дары, дары Отца небеснаго, живой блудно, нечисто живя и мысля, говоря и поя свои пѣсни, пиша и уча другихъ, уклоняясь отъ праваго пути къ небу на страну далеке, дальше и дальше. Въ кругѣ, въ которомъ онъ родился, въ кругѣ, въ которомъ онъ воспытывался, онъ видѣлъ вездѣ опыты французскаго Вольтеріанскаго вольнодумста и примѣры соотвѣтственной Вольтеріанскому

мировозрѣнію жизни. Обладая съ дѣтства французской рѣчью лучше, чѣмъ родною, онъ слишкомъ рано познакомился съ произведеніями Вольтера, Парни и другихъ французовъ тогоже Вольтеріанскаго, скептическаго, отрицательнаго закала. Конечно, дѣтскій умъ его не могъ побороть эту мощную фалангу идей анти-религіознаго анти-христіанскаго строя, и въ свою очередь увлекся. Необычайная же соблазнительная прелесть его чуть не дѣтскихъ стихотвореній, подхваченная всеобщимъ одобреніемъ, прельстила его самого мыслить и чувствовать не иначе, какъ вслухъ всего свѣта. *Прилежатъ челоуѣку помышленія на злая отъ юности его,* особенно же прилежатъ блудныя помышленія. И вотъ зашумѣла Пушкинская поэзія соловьиными пѣснями въ честь извѣстной богини Киприды и ея культа. Любимѣйшій сынъ неба, высоко-одаренный поэтъ не только нечисто мыслилъ и чувствовалъ, но и поступалъ, и не только поступалъ, мыслилъ и чувствовалъ, но и высказывалъ свои мысли и чувства, стремленія и поступки прелестными стихами. Всѣ изумились этой прелести и извинили, а извинивъ и пристрастились къ ней. И какъ мы низко упали къ нашему времени, далеко ниже древле-языческаго міра! Даже у язычниковъ такія дѣла считались постыдными (*rudenda*), а рѣчи въ обнаженныхъ подробностяхъ невозможными. Увы! Нашъ поэтъ всякую нечистую свою мысль выражалъ вслухъ всего свѣта. Всякое нечистое чувство выражалъ въ слухъ всего свѣта. Увы! Даже нечистыя дѣла изображалъ предъ лицомъ всего свѣта. И нашъ свѣтъ всему этому началъ рукоплескать! Это постыдно въ глазахъ всего міра; но въ глазахъ нашего, увы! русскаго, увы! православнаго міра нѣтъ, непостыдно, это красиво, это даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ,—страшно сказать,—высо-

ко-нравственно, понеже природѣ вѣрно. Видимъ мы въ этой поэзіи не только обнаженіе блуда, не только послабленіе ему, но и одобреніе его въ принципѣ, но и воспѣваніе его въ обольстительныхъ звукахъ, но и всяческое поощреніе къ нему, но и заповѣданіе его въ предсмертныхъ завѣщаніяхъ поэта. Въ этомъ направленіи ниспаденіе его дѣломъ, мыслию и острымъ мѣткимъ словомъ простиралось, повидимому, до послѣднѣйшихъ крайностей. Гдѣ мы что подобное видимъ? Гомеръ, Виргилій и Гораций, безъ сомнѣнія, безконечно стыдливыѣ. Даже Байронъ, несмотря на нѣкоторую поэму, цѣломудреннѣе въ творческомъ словѣ. У Гете, у Шиллера, у Шекспира ничего подобнаго. Доказательство того, что можно стяжать славу міровыхъ поэтовъ, не наигривая на подобныхъ струнахъ въ слухъ всего міра. Зримъ нѣсколько, да и то меньше подобнаго, только у Анакреона, которому нашъ поэтъ намѣренно подражалъ; но Анакреону такая и честь, какъ и одному изъ нашихъ жалчайшихъ подражателей этой нечисти. Не говорите о высокой нравственности даже извѣстнаго Пушкинскаго идеала женщины: бѣдная, жалости сердца достойная! Состоя въ супружествѣ, она всею душою, сердцемъ и помыслами принадлежитъ предмету своей страсти, сохраняя до сей минуты для мужа вѣрность только внѣшнюю, о которой сама отзывается съ очень малымъ уваженіемъ, чуть не съ пренебреженіемъ. Гдѣ же тутъ высоко-нравственный христіанскій бракъ, сляніе двухъ существъ въ единую плоть и душу, въ единого человека? И за это она идеаль нравственной женщины и супруги. Какъ мы падаемъ и въ міросозерцаніи, и въ нравахъ, и даже въ нравственныхъ правилахъ. Вотъ продолжатели нашего поэта въ томъ же направленіи, тѣ послѣдовательнѣе; тѣ просто и откровенно провозгла-

силы самый бракъ, въ подобныхъ соотношеніяхъ сердце, развратомъ, а прелюбодѣяніе съ другомъ сердца — нравственнымъ долгомъ.

Грѣхи въ одиночку по міру не ходять, но одинъ поведетъ съ собою и другіе. Поклоненіе Кипридѣ не могло не вести за собой поклоненіе и Вакху и всѣмъ языческимъ божествамъ. Это не игра словъ. Въ самомъ дѣлѣ, у нашего поэта это было настоящее душевное идолопоклонство, дѣйствительное поклоненіе божествамъ классическаго язычества, постоянное призываніе ихъ, посвященіе имъ мыслей и чувствъ, дѣлъ и словъ. Это было поэтическое провозглашеніе худшаго и въ язычествѣ культа, эпикурейскаго: *да ямы*, а главное *да тѣмы*, да насладимся утѣхами минуты, *утрѣ бы умремъ*. Это была не только проповѣдь и исповѣдь, было не только опасеніе, но чуть не сладкая надежда, чуть не молитвенное чаяніе, что по смерти мы очутимся въ области блѣдныхъ безличныхъ тѣней, лишь бы заснуть подъ маніемъ самыхъ игривыхъ языческихъ божествъ Вакха и Аполлона, музъ и харитъ, Киприды и Купидона. Было въ этой поэзіи, не скажу, мысленно—словесное отрицаніе христіанства, но хуже того, было кощунственное сопоставленіе его съ идолопоклонствомъ, кощунственное пріурочиванье его къ низшему культу низшихъ языческихъ божествъ, при чемъ необузданность ума и слова играла сопоставленіями священныхъ изреченій съ непристойными образами и влеченіями. Куда наконецъ дальше идти? Гдѣ мы что подобное видимъ, особенно у иностранцевъ?! И все это прощалось, всему этому даже рукоплескали, и недаромъ, потому что на всемъ этомъ, на всякомъ самомъ мелкомъ образѣ лежала печать безпредѣльно богатаго, остраго, огневаго дарованія. Самы языческіе поэты, даже величайшіе изъ нихъ, по

крайней мѣрѣ, для насъ изображаютъ древній языческій идолопоклонническій культъ не въ такихъ обаятельныхъ чертахъ, какъ нашъ совратившійся было въ язычество поэтъ.

Этого мало. Вслѣдъ за пѣснями въ честь языческаго культа, нашъ поэтъ воспѣваетъ и всѣ страсти въ самомъ дикомъ ихъ проявленіи: половую ревность, убійство, самоубійство, игру чужою и своею жизнію.... И чего чего онъ не воспѣваетъ?! Воспѣваетъ кровожадность Наполеона также, какъ и революціонеровъ XVIII вѣка. Особенно революціонная свобода была его кумирь... Правда, все это высоко-художественно изображаетъ и новѣйшій нашъ исполинъ мысли художникъ Достоевскій; но у этого въ концѣ концовъ возбуждается жалость съ отвращеніемъ къ сцѣпленію всѣхъ изображаемыхъ страстей, съ желаніемъ избыть отъ этого давящаго кошмара. У гиганта же поэта всякая страсть, рисуемая гигантскою кистью, выходитъ какимъ то также исполиномъ, выходитъ предметомъ, привлекающимъ сочувствіе и жалость, чуть не жертвоприношеніемъ исполненію долга. Его полудобродѣтельная Татьяна возбуждаетъ такую же жалость, какъ и безнравственный Онѣгинъ, какъ и пустой легкомысленный Ленскій; удалой самозванецъ Пугачевъ также, какъ и жертва его звѣрства, безстрашный самоотверженный капитанъ съ своей душевно-привлекательною дочерью; мудрый, но преступный и злосчастный Борисъ также, какъ и отважный до дерзости, изворотливый лже-Димитрій. Это оттого, что всѣ они милыя сердцу его дѣти его воображенія; оттого, что у него всякое страстное влеченіе есть идеаль, есть культъ, есть идолъ, которому человеческое сердце призывается приносить себя въ жертву до конца. И если приносить себя въ жертву до конца, то и прекрасно.

Такой идеаль и достоинъ поэзіи, будь онъ разбойникъ или мятежникъ, лишь былъ бы удалой и упорный. Даже насмѣшки его, самыя злыя эпиграммы не возбуждаютъ негодованія. Они всё необычайно остры, а поэтому какъ-то особенно милы и кладутъ на свой предметъ печать развѣ только забавнаго, но не отталкивающаго. У нашего поэта всякая букашка имѣетъ право на жизнь въ мірѣ Божіемъ; всякая страсть имѣетъ право на развитіе и процвѣтаніе, лишь бы она цвѣла и развивалась и давала привлекательно-поразительный предметъ для сильной поэтической кисти. Даже желая повидимому раздавить многихъ и многое, нашъ поэтъ не раздавилъ никого и ничего, разбивъ развѣ только себя самого, свою собственную душу.

Выходитъ, что нашъ поэтъ всё свои помыслы и чувства, всё силы и дарованія, слишкомъ много ихъ, выражаясь глубоко-знаменательнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, посвятилъ на служеніе похоти плоти вопервыхъ (не такъ ли?), похоти очесъ (не такъ ли?) и гордости житейской (не такъ ли?); посвятилъ страстямъ, сидящимъ въ сердцѣ чловѣческомъ, въ нашемъ плотскомъ душевномъ чловѣкѣ, который воюетъ противъ чловѣка духовнаго; посвятилъ слоборающимъ другъ другу въ сей войнѣ нашей плоти, міру и князю міра сего. Скажутъ, вы тутъ толкуете чуть ли не о сатавѣ? Даже что вы тутъ толкуете о мірѣ? Міру то нашъ поэтъ и не кланялся? Да, міръ свой онъ дѣлилъ на двѣ части: одну ему несочувственную, другую сочувственную, относя къ послѣдней все свободолюбивое, мятежное, отважное, непоборимое, чувственно-прекрасное, игривое, вольнодумное, отрицающее. Этого міра онъ былъ пѣвецъ, угодникъ и рабъ столько же, какъ другаго міра врагъ и отрицатель. Для опозоренія этого другаго міра, для

униженія, для всколебанія онъ сдѣлалъ съ своей стороны, что только, по окружающимъ его условіямъ, по силѣ своего дарованія и темперамента, онъ могъ сдѣлать. Какъ и наоборотъ въ угоду, честь и славу перваго міра сдѣлалъ сколько могъ, очень много сдѣлалъ. Это порывистое угодничество его предъ міромъ, до прежде всѣхъ и всего предъ собою и своими страстями, было стремленіемъ великомощнаго духа не къ центру истинной жизни Богу, но отъ центра по тысячѣ радіусовъ, въ погонѣ за призрачнымъ счастьемъ, за удовлетвореніемъ разныхъ похотей, сладострастія, славолубія, гордыни, — было стремленіемъ отъ центра духовной жизни къ противоположному полюсу бытія, во власть темной силы или темныхъ силъ...

Упомянуть ли, слѣдя за евангельскимъ изложеніемъ и о томъ, какъ блудный сынъ, скитаясь внѣ отеческаго крова, усиливался прилѣпляться то къ одному, то къ другому изъ жителей той страны, гдѣ скитался, и тутъ терпя всякія бѣды и лишенія, вынуждался, по евангельскому изреченію, пасти самыя низменныя пожеланія?..

Въ себе же пришедъ наконецъ, рече: koliko наемниковъ отца моего избывають хлѣбы, азъ же голодомъ гиблю? Подниматься ему однакоже было нелегко; вставалъ онъ долго, не короче того, какъ и падалъ. Вспомните, сколько у него стихотвореній вылилось въ этомъ состояніи его духа. Это самыя чистыя и самыя возвышенныя созданія его поэзіи, вызывающія на глубокое раздумье. Вотъ это дѣйствительно тотъ высоко-нравственный урокъ, который преподаетъ онъ намъ изъ-за своего гроба.

Онъ отрокъ Библии, безумный расточитель (блудный сынъ), до капли выпивъ раскаянья фіалъ, увидѣвъ наконецъ родимую обитель, главою поникъ и зарыдалъ. Въ вылу восторговъ скоротечныхъ, въ безплодномъ вих-